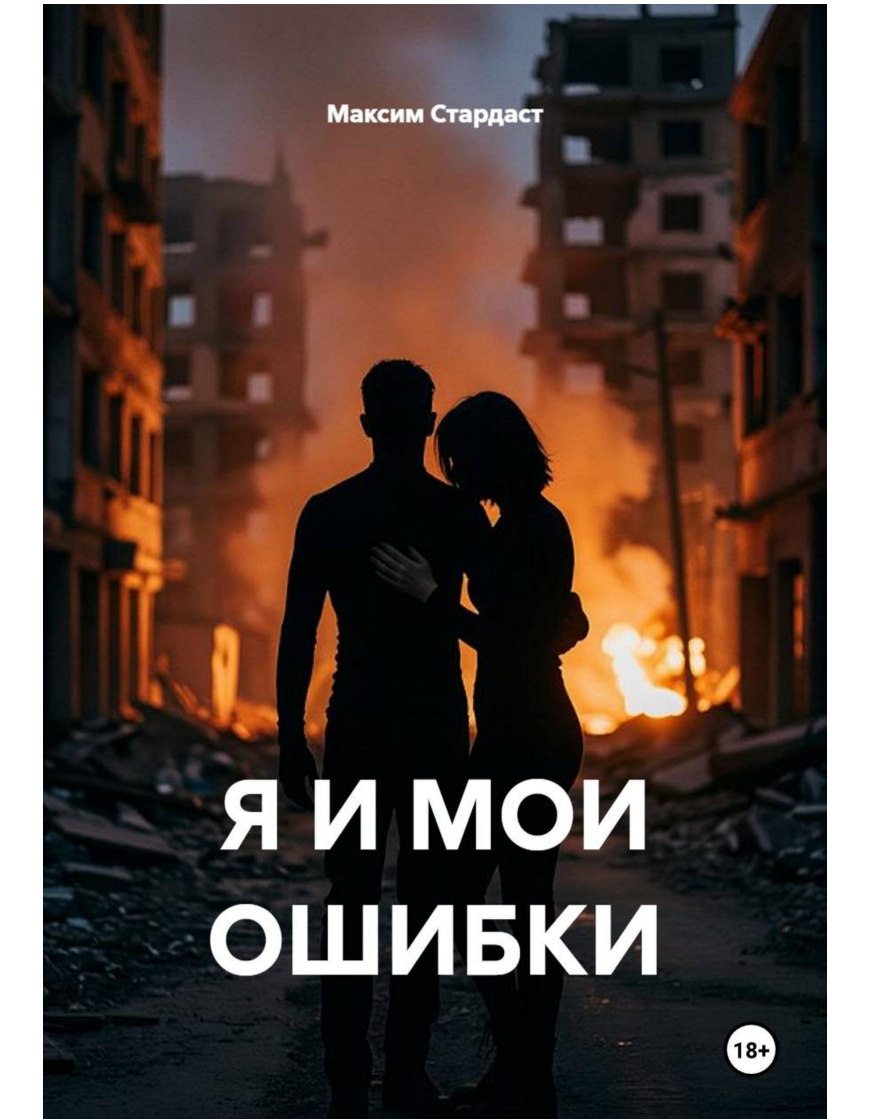

A dramatic, high-contrast image showing the silhouettes of a man and a woman embracing in a war-torn city. The background is filled with smoke and fire, with buildings visible in the distance. The overall mood is somber and poignant.

Максим Стардаст

Я И МОИ ОШИБКИ

18+

Максим Стардаст Я И МОИ ОШИБКИ

<https://litres.ru/74644953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой немного болен одиночеством, бродя по пост апокалипсису, бродя по руинам своего города, он ищет свое спасение встречая милую девушку.

Содержание

Глава 1 - Привет, это всё ещё я?	4
Глава 2 - Незнакомка	7
Глава 3 - Имя	10
Глава 4 - Разговор	14
Глава 5 - Дорога	18
Глава 6 - Здесь кто то есть	24
Глава 7 - Ради жизни	30
Глава 8 - Люби, но не вылюби	38
Глава 9 - Мороженное	43
Глава 10 - Северный комплекс	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Максим Стардаст Я И МОИ ОШИБКИ

Глава 1 - Привет, это всё ещё я?

Он никогда не забудет тот день, когда всё живое вдруг стало мёртвым. И хуже всего было то, что он просто стоял и смотрел, не в силах пошевелиться. В голове стучала одна мысль: Я должен что-то сделать, но тело не слушалось, а внутри разрасталась ледяная пустота. Позже он будет возвращаться к этому мгновению снова и снова, пытаясь понять, почему не смог спасти хотя бы что-то, и каждый раз ощущать, как эта минута отрывает от него ещё один кусочек прежнего себя.

Всё началось буквально недавно, когда не стало моего города, он был стёрт с лица земли. Но самое странное — я всё ещё слышу его. Слышу скрип качелей во дворе, гул трамвая на повороте, смех ребят у подъезда. Эти звуки живут где-то внутри, громче, чем настоящая тишина. И от этого становится невыносимо: реальность говорит, что города нет, а память упрямо продолжает его населять, и я разрываюсь между двумя этими правдами. Иногда хочется просто закрыть глаза и поверить, что всё на месте — но стоит открыть их, и пустота снова смотрит прямо в лицо.

Мне было не с кем поговорить, и эта пустота тянулась днями, оборачиваясь тяжёлой, вязкой грустью. Слова будто застряли внутри, а каждый взгляд на телефон только усиливал чувство одиночества — ни одного сообщения, ни намёка, что кто-то сейчас думает обо мне. Я долго носил эту тишину в себе, и она становилась всё тяжелее, пока не начала казаться частью меня.

А потом тишина стала такой густой, что её можно было потрогать. Она оседала пылью на плечах, цеплялась за волосы, проникала под кожу, будто хотела занять место всего, что когда-то жило во мне. Я бродил среди руин, и каждый шаг отдавался не эхом — пустотой. Там, где раньше шумела улица, теперь лежал серый пепел, в котором тонули все звуки, все голоса, все привет и как дела.

Я всё ещё искал знакомые очертания — не людей, а вещей, за которые можно было уцепиться. Вот угол дома, который я узнавал по особенному сколу на кирпиче. Вот арка, чьи тени в полдень всегда ложились ровно по одной линии — я столько раз замечал это, что теперь эта линия казалась мне чем-то вроде обещания: «этот город был, он правда был». Вот лавочка у подъезда — не потому, что на ней кто-то сидел, а потому, что она была притёртой, гладкой от тысяч шагов, от привычки ставить на неё сумку, присесть на минуту, перевести дух. Теперь от этих мест остались только тени на бетоне, и даже тени казались чужими, будто и они забыли, кем были раньше.

Телефон я больше не доставал. Уведомления не приходили, и это стало не обидой, а чем-то вроде приговора: мир просто вычеркнул нас. А я всё цеплялся за мелочи. Нашёл в кармане чек из кофейни — тот самый, с пятном от капучино и криво написанным именем. И вдруг понял, что не помню, как звучит это имя. Не мог вспомнить интонацию, с которой бариста его выкрикивал, не мог вспомнить, улыбался ли я в тот момент. И от этого стало по-настоящему страшно: не от руин, не от тишины, а от того, как быстро исчезает память, будто кто-то стирает её вслед за городом, аккуратно, по слою.

Город стёрли с лица земли. Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что вместе с ним стёрлось и моё право на обычную, тихую, счастливую боль — ту, которая бывает от мелких ссор, от опозданий, от забытых ключей. Теперь у меня осталась только одна боль — огромная, безразмерная, в которую проваливаешься, как в чёрную яму, и не знаешь, есть ли там дно. И самое страшное — я уже начинал привыкать к ней. Как привыкают к холоду, к темноте, к тишине. Как привыкают к тому, что больше не к кому спешить, некого обнять и не с кем просто помолчать рядом, потому что рядом больше никого нет. Только руины, только пыль, только тишина, которая теперь была не отсутствием звуков, а отдельным, тяжёлым существом, живущим рядом со мной. И хуже всего было то, что я уже почти научился с ней разговаривать — шёпотом, одними губами, так, что даже сам не слышал своих слов.

Глава 2 - Незнакомка

Я шёл по городу, который больше не был городом. Асфальт растрескался, будто земля пыталась что-то вытолкнуть изнутри, а между трещинами пробивалась жёсткая, серая трава — будто сама природа уже смирилась с тем, что здесь больше не живут. Ветер гнал по улице обрывок старой газеты, и я машинально проследил за ним взглядом, как будто он мог привести меня к чему-то важному. Но он просто кружился и падал, снова и снова, как всё в этом месте — бесцельно и устало.

У меня не было дома. Не было даже понятия домой. Был только маршрут: обойти квартал, проверить пустые подъезды, найти место, где ветер не бьёт прямо в лицо, где можно присесть и на пять минут притвориться, что ты в безопасности. Но безопасность давно стала словом из прошлой жизни — лёгким, почти смешным, как детская сказка, которую кто-то когда-то читал тебе перед сном.

Я сворачивал в очередной двор, где раньше был маленький магазинчик, а теперь остались только рамы без стёкол, похожие на пустые глазницы. И тут я её заметил. Она стояла у полуразрушенной арки, прижимая к себе старый плед, и смотрела не на меня, а куда-то сквозь меня — так, будто привыкла не доверять ни звукам, ни движениям, ни даже собственному зрению. На секунду я замер, потому что любое

движение могло спугнуть её, как спугивают птиц в мёртвых парках: резко, навсегда.

Она заметила меня не сразу. А когда заметила — не улыбнулась. Просто чуть крепче сжала плед и чуть тише стала дышать, будто пыталась стать меньше, незаметнее. И в этом было столько усталости, что мне вдруг стало стыдно за то, что я вообще здесь, что нарушаю её хрупкое одиночество своим присутствием.

— Тут нельзя стоять, — сказала она наконец, голос был хриплым, будто она давно не говорила вслух. — Сюда ветер гонит пыль, а по вечерам тут собираются те, кто не любит вопросов.

Я не знал, что ответить. «Спасибо, что предупредила» звучало слишком слабо. «Я просто шёл мимо» — слишком лживо. А правда была тяжёлой: я шёл мимо, потому что мне некуда было идти.

— Тут нельзя стоять, — сказала она наконец, голос был хриплым, будто она давно не говорила вслух. — Сюда ветер гонит пыль, а по вечерам тут собираются те, кто не любит вопросов.

— У меня... нет места, — сказал я, и эти слова прозвучали до нелепости беспомощно, как признание в чём-то стыдном. — Просто ищу, где переждать ночь.

Она смотрела на меня долго, будто взвешивала не слова, а меня целиком — мои плечи, мои руки, мой взгляд, который, наверное, выдавал всё: и страх, и усталость, и отчаянное же-

ление, чтобы кто-то просто не прогнал.

Потом она чуть опустила плед и кивнула в сторону двора, где виднелся вход в подвал.

— Там сухо, — сказала она просто. — И тихо. Я там живу. Если хочешь, можешь посидеть. Только не шуми.

Глава 3 - Имя

И я пошёл за ней, не потому что у меня был выбор, а потому что впервые за долгое время кто-то предложил мне не просто угол, а место, где я мог быть не совсем чужим. В подвале пахло сыростью и старыми вещами, но ещё там пахло жизнью — еле уловимо, как запах чая, который кто-то заваривал в жестяной кружке. Она молча протянула мне кусок одеяла, села в тень и отвернулась, будто давая понять: «Я тебя не прогоняю, но не жди разговоров».

А мне и не нужны были разговоры. Мне нужно было просто знать, что я не один в этой тишине. Что есть ещё кто-то, кто дышит рядом, кто тоже ищет, где спрятаться от холода и пустоты. И пока она сидела в полумраке, я смотрел на её силуэт и думал, что, может быть, дом — это не стены и не крыша. Может быть, дом — это когда кто-то не закрывает перед тобой дверь, даже если сам едва держится на ногах.

В ту ночь я не спал. Я слушал, как она дышит, как где-то капает вода, как ветер воет где-то наверху, будто пытается достучаться до тех, кто остался внизу. И впервые за долгое время одиночество не давило на грудь, а просто сидело рядом, как что-то привычное, не страшное. Потому что теперь оно было не единственным. Теперь нас было двое.

Утром она не сказала ничего особенного. Просто протянула мне кружку с тёплым чаем и кивнула на улицу:

— Сегодня лучше держаться ближе к стенам. Там, где открытое пространство, небезопасно.

Я кивнул, потому что не знал, что сказать. Спасибо казалось слишком мало. Прости за то, что пришёл — слишком глупо. А «я рад, что ты здесь» звучало бы как попытка присвоить её доброту, как будто я имел на это право.

Но когда мы вышли во двор и солнце ударило по руинам, высветив каждую трещину, я вдруг понял одну вещь: я больше не ищу просто угол, чтобы переждать ночь. Я ищу место, где можно держаться рядом с кем-то, кто тоже выжил. И, может быть, этого пока достаточно.

На старом столе, покрытом пылью, лежал пистолет. Он не прятался — лежал ровно, будто был частью обстановки, как кружка или коробка с припасами. Я смотрел на него, и внутри всё сжалось. В этом городе оружие не оставляли просто так. Оно означало либо опасность, либо отчаяние. Или и то, и другое сразу.

— Откуда он у тебя? — голос прозвучал резче, чем я хотел, грубее, чем мне хотелось быть рядом с ней.

Она не вздрогнула. Только подняла на меня глаза — усталые, спокойные, будто она тысячу раз представляла, как будет отвечать на этот вопрос.

— Нашла, — просто сказала она. — В одном из подъездов. Там было... много всего. Нехорошего. Я взяла только это и ушла.

Я сделал шаг к столу, протянул руку, сжал холодную ру-

коять. Металл отозвался тяжестью, знакомой и чужой одновременно. И вдруг эта тяжесть показалась единственной вещью, которую я мог удержать в разваливающемся мире. Я поднял пистолет, направил на неё — не чтобы выстрелить, а чтобы удержать реальность, чтобы хоть что-то в этом безумии было под контролем. Чтобы почувствовать, что я могу защитить себя, если всё снова пойдёт не так.— Не подходи,— сказал я, и сам услышал, как голос дрожит. — Я не знаю, кто ты. Я вообще ничего не знаю. Здесь нельзя верить ничему. Она не отступила. Не закричала. Не стала оправдываться громкими словами. Просто смотрела на меня так, будто видела не ствол, а то, что прячется за ним — человека, который уже столько раз обжигался даже на надежде.— Меня зовут Настя, — сказала она тихо, ровно, без нажима. — Если тебе нужно имя, чтобы поверить, пусть будет оно. Я не враг. И я не хочу, чтобы ты держал это в руках, потому что знаю, как тяжело потом становится, когда понимаешь, что оно тебе не помогло. Имя повисло в воздухе, простое, обычное, из прошлой жизни. Настя. Не «чужая», не «опасная», не «ещё одна тень в руинах». Просто Настя. И от этого слово вдруг стало якорем — маленьким, но настоящим. Я смотрел на неё, и пальцы медленно разжимались. Пистолет перестал быть щитом. Он стал просто куском металла, который я держал, потому что не знал, как жить без щита.— Прости, — выдохнул я, опуская ствол, а потом и вовсе убрал его в карман. Он всё ещё был там, тяжёлый, холодный, но теперь он не

был между нами. — Прости. Я просто... я уже не понимаю, где безопасно. Настя чуть кивнула, будто принимая не только извинение, но и эту правду — что я сломлен, что боюсь, что цепляюсь за оружие, потому что больше не за что цепляться. — Здесь безопасно, пока мы молчим и держимся в тени, — сказала она и протянула мне кусок одеяла. — Садись. Отдохни. Завтра придётся уйти. Тут становится небезопасно. Я сел, прислонился спиной к стене и впервые за долгое время почувствовал, как напряжение понемногу отпускает. Не до конца — оно никуда не денется, оно теперь живёт со мной, как тень. Но сейчас оно стало чуть тише.

Глава 4 - Разговор

В ту ночь я не спал. Сидел, прижавшись спиной к шершавой стене, и прислушивался к каждому шороху: к капающей где-то воде, к скрипу старых перекрытий, к ветру, который гудел наверху, будто пытался пробраться вниз, в наше укрытие. Пистолет в кармане тянул вниз, напоминал о той секунде, когда я направил его на Настю. И каждый раз, когда я об этом думал, внутри всё сжималось от стыда. Настя сидела в полумраке, подтянув колени к груди, закутавшись в свой потрёпанный плед. Она не смотрела на меня, но и не пряталась — просто была здесь, рядом, и этого хватало, чтобы тишина перестала казаться враждебной. Время от времени она чуть вздрагивала от особенно громкого порыва ветра, но тут же брала себя в руки, будто привыкла не показывать, когда ей страшно. — Прости, — сказал я снова, уже тише, почти шёпотом, потому что не мог держать это в себе. — Я не хотел. . . Я просто перестал понимать, где свои, а где чужие. В этом городе все стали чужими. Даже отражения в разбитых витринах кажутся не моими. Она помолчала, будто взвешивала мои слова, а потом чуть повернула голову, так что в тусклом свете, пробивавшемся сквозь щели, мелькнуло её лицо — усталое, с тёмными кругами под глазами, но без злости. — Я понимаю, — ответила Настя ровно, без упрёка. — Тут нельзя быть доверчивым. Если будешь верить каждому, не дожи-

вёшь до следующей недели. Но и жить, ожидая удара изза угла, тоже нельзя. Это съедает изнутри. Я кивнул, хотя она, наверное, и не видела этого движения. Просто нужно было хоть както показать, что я слышу её.— Как ты здесь выжила? — спросил я, потому что тишина снова начала давить, и мне нужно было услышать чужой голос, нормальный, человеческий, не про опасность и не про руины. Настя чуть пожала плечами, будто не считала это чемто особенным.— По мелочам. Пряталась там, где не ходят. Брала только то, что лежит на виду, и никогда не задерживалась на одном месте дольше двух ночей. А потом нашла этот подвал. Тут сухо, и вход можно завалить парой досок, если ктото начнёт шуметь наверху. Сначала я спала у самого выхода, чтобы успеть убежать. Потом... потом поняла, что бежать некуда. И стала спать в углу. Она замолчала, а я вдруг остро почувствовал, сколько в этих простых словах скрыто страха, холода, одиночества. Не пафосного, не книжного — самого обычного, тяжёлого, когда ты просто каждый день делаешь шаг, потому что иначе придётся лечь и больше не вставать.— А ты? — тихо спросила она, будто решила задать этот вопрос только сейчас, когда поняла, что я не собираюсь на неё нападать. — Откуда ты пришёл? И я рассказал. Не всё — не смог бы. Но главное: как уходил из своего района, когда стало ясно, что там больше не выжить; как бродил по пустым улицам, где даже тени казались чужими; как каждый день искал место, куда можно спрятать голову, и каждый раз понимал, что такого

места нет. Рассказал про то, как привык не ждать ни от кого помощи, потому что помощи не было. И как от одного её «тут можно посидеть» внутри что-то дрогнуло — будто треснула толстая ледяная корка, которую я сам на себя нарос. Настя слушала, не перебивая. Иногда кивала, будто узнавала в моих словах что-то своё. Когда я закончил, она встала, подошла к маленькой жестяной коробке, которую держала в углу, и достала оттуда два сухих галетных печенья. Протянула мне одно. — Ешь, — сказала просто. — Силы пригодятся. Завтра придётся уйти отсюда. Тут становится небезопасно. — Куда? — спросил я, и в этом вопросе прозвучало всё: и страх перед дорогой, и нежелание снова остаться одному. Настя на секунду задумалась, потом достала изпод доски старую, потрёпанную карту города, развернула её прямо на полу и провела пальцем по одной из улиц. — Есть старый жилой комплекс на севере. Там почти нет людей, зато есть подвалы, которые не затопило. Я хотела сходить туда, но одной страшно. Если пойдём вместе... будет спокойнее. Я посмотрел на карту, на её палец, на эту тонкую линию, которая вдруг стала не просто маршрутом, а чем-то вроде обещания: мы не будем сидеть и ждать, пока мир окончательно рассыплется. Мы сделаем шаг. — Хорошо, — сказал я, и это слово прозвучало твёрже, чем я ожидал. — Пойдём. Только... можно я ещё немного посижу здесь? Пока темно. Просто чтобы знать, что я не один. Настя кивнула и села обратно в свой угол, оставив между нами небольшое расстояние — достаточно, что-

бы чувствовать себя в безопасности, но не настолько, чтобы снова стать чужими. Она завернулась в плед, закрыла глаза, но я знал, что она не спит. Просто даёт мне время привыкнуть к тому, что рядом есть кто-то живой.

Глава 5 - Дорога

Мы собрали последнюю еду и воду — всего-то пара галет, жестяная банка консервов, которую Настя берегла «на крайний случай», и две плоские фляги, плотно закрученные, чтобы ни капли не расплескать. Она двигалась быстро, но без суеты: привычно проверила, не звенит ли что в рюкзаке, поправила лямки, скользнула взглядом по моему лицу — не дрожу ли, не сдамся ли прямо тут. В её чёрном каре не было ни одной выбившейся пряди, будто даже волосы знали, что сейчас нельзя привлекать внимание.

— Готова? — спросил я, хотя и так видел: она готова была уйти ещё час назад, просто ждала, пока я соберусь с духом.

Настя кивнула, приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть, и замерла, вслушиваясь. Ветер принёс запах гари и чего-то ржавого, давно забытого. Потом она махнула мне: «Следуй за мной, держись в двух шагах, не наступай на битое стекло».

Мы шли к северному комплексу. Дорога была не маршрутом, а чередой маленьких решений: обойти груды искорёженного металла, нырнуть в тень подъезда, переждать, пока над головой пролетит стая испуганных птиц, будто город вытолкнул их из своих трещин.

Я не мог долго молчать. Тишина здесь была не уютной, а опасной — она будто звала чужие голоса.

— Откуда у тебя пистолет? — спросил я наконец, когда мы присели на минуту за остатками автобусной остановки. Голос прозвучал тише, чем хотелось, будто сам стыдился этого вопроса.

Настя не посмотрела на меня. Она смотрела вперёд, туда, где улица делала резкий поворот и терялась в сером мареве.

— Нашла в оружейной комнате охраны в старом ТЦ, — ответила ровно, будто это была самая обычная история: зашла, взяла, ушла. — Там было много всего, но я взяла только то, что могла унести и что могло спасти. Остальное... не пригодилось.

— А почему не выбросила? — Я сам не знал, зачем давил, но мне нужно было услышать, что она не из тех, кто любит оружие, не из тех, кто ищет повод.

Она чуть повернула голову, и в этом движении было столько усталости, что мне стало стыдно.

— Потому что здесь не выбрасывают то, что может спасти жизнь, — сказала она спокойно. — Даже если от этого внутри всё сжимается. Я не люблю его. Но я знаю, как он работает. И этого достаточно.

Я кивнул, будто принял какой-то важный закон этого нового мира. Больше не спрашивал про пистолет.

— У тебя тут есть знакомые? — спросил чуть позже, когда мы крались вдоль стены, стараясь не попадать в полосы света, падавшие из пустых окон.

Настя усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья —

только горечь и знание.

— В этом городе знакомых больше нет, — сказала она. — Есть те, с кем ты когда-то пил кофе, и те, кто теперь смотрит на тебя, как на мешок с едой. А в северном комплексе... там есть люди, с которыми я когда-то договаривалась о сигналах. Если они ещё живы, мы их найдём. Если нет — будем искать место, где можно пересидеть.

Это «если» повисло между нами, тяжёлое и честное.

Мы шли дальше. Иногда Настя показывала жестами: «стой», «слушай», «обходим». Она двигалась так, будто город был ей знаком до последней трещины, до каждого провала в асфальте. В обтягивающей чёрной одежде она казалась частью теней: незаметной, быстрой, готовой исчезнуть в любую секунду.

— Как ты вообще выжила? — спросил я снова, потому что мне нужно было не про опасность, не про маршрут, а про неё. Про то, как человек остаётся человеком, когда всё остальное рассыпается.

Настя на секунду замедлилась, будто подбирала слова не для меня, а для себя.

— По мелочам, — сказала она, не глядя на меня. — Не делать лишнего шума. Не смотреть людям в глаза, если не знаешь, что там увидишь. Брать ровно столько, сколько сможешь унести. И не привязываться к местам. Места исчезают.

— А к людям? — тихо спросил я.

Она остановилась. Совсем ненадолго, но этого хватило,

чтобы я врезался взглядом в её профиль: острый, собранный, будто вырезанный из этого серого дня.

— К людям... тоже нельзя, — призналась она, и голос чуть дрогнул, будто она сама не хотела в это верить. — Но иногда не получается. Иногда ты видишь, что человек не ищет повода выстрелить, а просто хочет знать, что он не один. И тогда... тогда ты говоришь: «Тут можно посидеть». Даже если знаешь, что завтра придётся уйти.

Я ничего не ответил. Просто кивнул, потому что слова были лишними.

К полудню город будто выдохся: ветер стих, пыль осела, и тишина стала такой плотной, что в ней слышался каждый наш шаг. Мы свернули в узкий проход между домами, и тут Настя снова замерла, подняла руку. Я вжался в стену, сердце колотилось где-то в горле. Впереди, за углом, слышались голоса — не крики, не смех, а спокойный, расчётливый разговор, от которого становилось не по себе.

Настя скользнула к стене, прижалась к ней, почти слилась с тенью. Потом тихо, одними губами, прошептала:

— Тут есть лаз. За мусорными контейнерами. Он ведёт в подвал, а оттуда можно выйти к старой котельной. Это дольше, но безопаснее.

— Ты знала про него? — прошептал я.

Она кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то вроде гордости — не за себя, а за то, что смогла сохранить эту маленькую, грязную, но такую важную деталь.

— Я всё запоминаю, — сказала она коротко. — В этом городе память — это тоже оружие.

Мы обошли опасное место, пролезли через лаз, где пахло сыростью и ржавчиной, и выбрались к котельной — обгоревшей, пустой, но тихой. Здесь можно было на минуту выдохнуть.

Настя села на бетонный блок, открыла рюкзак, достала флягу и протянула мне.

— Пей, — сказала. — Потом пойдём. До комплекса осталось не так далеко.

Я сделал глоток, вода была прохладной и чуть горьковатой, но самой вкусной, какую я пробовал за долгое время.

— Спасибо, — сказал я, и это слово прозвучало слишком маленьким для всего, что она делала.

Настя чуть пожала плечами, будто это ничего не значило. Но потом, неожиданно, добавила:

— Не благодари. Просто не подведи, когда будет нужно. Здесь это важнее.

И я понял: она не просто вела меня по улицам. Она проверяла, смогу ли я быть рядом, когда станет по-настоящему страшно. Смогу ли не сорваться, не закричать, не броситься вперёд, когда нужно стоять.

Мы снова двинулись в путь. Солнце клонилось к закату, и серые руины окрашивались в тусклый красноватый цвет, будто город напоследок хотел показать, что когда-то знал и другие краски. Настя шла впереди, лёгкая, собранная, будто

сама тень стала её союзником. А я шёл за ней и думал, что, возможно, самое важное в этом новом мире — не найти безопасное место, а встретить того, кто знает, как туда дойти.

Глава 6 - Здесь кто то есть

Мы шли вдоль старой промзоны — здесь стены были выше, а теней больше, но и опасность чувствовалась острее: в воздухе висел запах дыма, машинного масла и чего-то горелого, будто сама земля пыталась вытолкнуть из себя память о том, что тут творилось. Настя двигалась впереди, почти бесшумно, её чёрное каре сливалось с полумраком, а рюкзак не издавал ни звука — она заранее обмотала пряжки изолентой. Я старался повторять её движения: не наступать на ржавые листы, не задевать свисающие провода, дышать так, чтобы даже выдох не выдал.

И тут впереди, за поворотом, послышались голоса. Не шёпот, не случайный звук — а грубый, уверенный разговор, от которого по спине бежало ледяное покалывание. Мы замерли. Настя прижалась к стене, подняла руку — «не двигайся», потом медленно, почти незаметно, подползла к краю и выглянула. Её лицо на секунду стало каменным, потом она отползла обратно и прошептала одними губами:

— Лагерь. Человек восемь. У них там что-то вроде поста, проверяют всех, кто идёт по старой дороге. Нам туда нельзя.

Я кивнул, горло пересохло так, что даже шёпот давался с трудом.

— Есть другой путь?

Она кивнула, но в её взгляде мелькнуло то, что она не хо-

тела показывать: тревога.

— Да. Но он ближе к их стоянке. Придётся ползти. И молчать.

Мы поползли вдоль стены, по узкой полосе между бетонным забором и грудой искорёженных контейнеров. Пахло гнилью и мазутом, каждый сантиметр давался тяжело, но мы двигались. И вдруг голоса стали громче — они не были уже где-то там, они были прямо над нами.

— ...Всех, кто остался, надо вычистить, — говорил хриплый голос, будто человек давно не говорил нормально, только кричал и приказывал. — Это не выживание, это зараза. Пока есть хоть кто-то, кто верит, что всё вернётся, они будут мешать. А нам тут строить своё.

— Ты всегда такой... радикальный, — отозвался другой, чуть спокойнее, но не добрее. — А если среди них есть нормальные? Если кто-то просто прячется?

— Нормальных тут больше нет, — отрезал первый. — Нормальные не выживают. Выживают те, кто умеет быть жестоким. Или те, кого мы делаем жестокими.

На секунду стало тихо, и в этой тишине прозвучало совсем другое — не приказ, не угроза, а что-то человеческое, сломанное.

— Я всё ещё думаю о ней, — тихо сказал третий голос, и в нём было столько боли, что даже у меня внутри что-то сжалось. — О дочке. Ей было девять. Она любила кошек. Всегда тащила домой всех бродячих. А в тот день... в тот день мы

стояли у окна, она показывала мне, как солнце отражается в лужах, и тут всё началось. Я даже не понял, что это конец. Просто свет стал странным, потом тишина... а потом крики.

— Не надо, — резко оборвал первый. — Не вспоминай. Это делает тебя слабым.

— Это делает меня человеком, — тихо ответил тот, кто говорил о дочери. — Я не хочу забывать. Даже если это больно.

Настя рядом со мной чуть вздрогнула, будто эти слова ударили её. Она посмотрела на меня, и в её глазах читалось: «Мы не можем вмешиваться. Нас двое, их восемь. И у них оружие».

Голоса снова стали деловыми, холодными:

— Никто не знает, из-за чего это началось, — сказал один из бандитов. — Ни учёные, ни военные, ни даже те, кто сидел наверху. Кто-то говорит про вирус, кто-то — про сбой в системе, кто-то вообще про эксперимент. Но факт один: мир кончился. И теперь тут новые правила.

— И эти правила — мы, — добавил первый, и в его голосе звучала не просто жестокость, а уверенность, которая страшнее любой ярости.

А потом раздался крик. Не громкий, не отчаянный — скорее усталый, будто человек уже знал, что его не услышат.

— Помилуйте... Я ничего не сделал... Я просто хотел выжить...

Настя резко закрыла мне рот рукой — не грубо, но твёрдо,

так, что я понял: любое движение, любой звук сейчас может стать последним. Мы замерли, прижавшись к земле, и сквозь щель между контейнерами я увидел то, от чего кровь застыла в жилах.

Они вешали одного из выживших. Не как в старых фильмах, не с пафосом, а буднично, почти равнодушно. Человек в простой куртке, с седыми висками, смотрел на них не со злостью, а с непониманием, будто до последнего надеялся, что это какая-то ошибка, что сейчас кто-то скажет: «Шутим, отпустим». Но никто не сказал. Петля затянулась. И тишина стала ещё тяжелее.

Когда всё закончилось, бандиты разошлись, кто-то пошёл проверять посты, кто-то сел у костра, будто ничего не произошло. Только тот, что говорил о дочери, стоял чуть в стороне, смотрел в темноту и молчал.

Мы ждали. Долго. Пока шаги не стихли, пока не осталась только ночь и далёкий треск костра. Потом Настя медленно, сантиметр за сантиметром, поползла дальше. Я последовал за ней. Когда мы оказались в относительной безопасности, за грудой бетонных плит, она наконец села, прислонилась к стене и закрыла глаза на одну секунду — только на одну, будто боялась, что если закроет дольше, то увидит там то, чего не сможет забыть.

Я не мог молчать. Слова рвались наружу, тяжёлые, горькие.

— Почему? — прошептал я, хотя знал, что ответа не бу-

дет. — Почему они делают это? Почему убивают просто за то, что ты жив?

Настя открыла глаза. В них не было слёз — только усталость и решимость.

— Потому что им кажется, что так они контролируют хаос, — сказала она тихо. — Когда мир рушится, некоторые люди думают, что если они будут самыми жестокими, то смогут его удержать. Но они не удерживают. Они просто становятся частью разрушения.

Я посмотрел на неё, и вдруг понял, что должен спросить то, что жгло изнутри.

— Настя, — прошептал я. — Ты... ты знаешь, из-за чего всё это началось? Ты ведь что-то знаешь. Иначе зачем нам этот северный комплекс?

Она помолчала. Её пальцы сжались на лямке рюкзака, будто она пыталась удержать не только ткань, а саму свою решимость.

— У меня есть предположения, — сказала она наконец. — Не факты. Не доказательства. Только то, что я слышала, собирала по крупицам, пыталась сложить в одну картину. Но я не расскажу тебе здесь. Не среди этих руин, не под тенью того, что мы только что видели. Сначала мы доберёмся до комплекса. Там... там есть люди, которые знают больше. Или хотя бы хранят то, что осталось от знаний.

Она посмотрела на меня прямо, без утайки, но и без пафоса.

— А ещё... — добавила она чуть тише, — я не хочу, чтобы ты знал это здесь. Потому что, если ты услышишь правду посреди всего этого ужаса, она может сломать тебя окончательно. А мне нужно, чтобы ты шёл дальше. Чтобы ты мог прикрывать спину, когда будет нужно.

Я кивнул. Не потому что всё понял, а потому что понял главное: она не отказывает мне в правде. Она просто бережёт её до места, где эта правда не станет приговором.

— Ладно, — прошептал я. — Веди. Я пойду за тобой.

Настя снова встала, поправила рюкзак, проверила, не звенит ли что, и кивнула в сторону узкой тропы, которая вела в темноту, к северному комплексу.

— Держись ближе, — сказала она. — И не смотри назад. То, что мы видели, останется там. Впереди у нас другая задача.

И мы пошли. По тёмным улицам, мимо теней, которые теперь казались не просто тенями, а следами того, что мир потерял. Но в этот раз я шёл не один. Рядом была Настя — умная, ловкая, хитрая, и в то же время не потерявшая способность чувствовать чужую боль. И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Глава 7 - Ради жизни

Ночь легла на руины тяжёлым, глухим покрывалом. Без фонарей, без отражений в стёклах, без единого тёплого огонька город стал лабиринтом из чёрного и серого — и в этом лабиринте мы с Настей шли, прижавшись к стенам, будто сами хотели стать их частью. Каждый шаг давался тяжело: не от усталости даже, а от напряжения, которое стягивало мышцы, как проволока.

Настя шла впереди, привычно прикидывая, где тень гуще, где можно проскользнуть, где лучше не ступать. Её чёрное каре сливалось с темнотой, только иногда, когда лунный свет пробивался сквозь прорехи в облаках, мелькал острый профиль. Я держался в двух шагах, как она велела, и старался не дышать громко.

И вдруг — резкий лязг, будто кто-то уронил железный прут. Мы замерли. Но не успели даже прижаться к стене, как из темноты вырвались две фигуры. Лица не разглядеть — только силуэты, резкие движения, блеск металла. И тут же — выстрел. Сухой, короткий, будто треснула ветка, только страшнее в тысячу раз.

Настя дёрнулась, схватилась за бедро, но не закричала. Только стиснула зубы и повалилась на бок.

— Беги! — прошипела она, но я уже схватил её под плечи, потащил, не разбирая дороги, туда, где темнело пятно

подъезда.

Ещё два выстрела ударили в стену, высекли искры. Я тащил Настю, чувствуя, как в груди всё сжимается в тугой узел, а в голове стучит только одно: «Не сейчас. Только не сейчас».

Мы влетели в подъезд, проскочили по лестнице вниз на один пролёт, потом я рванул в открытую дверь на первом этаже — в пустую квартиру, где пахло пылью, сыростью и давно ушедшей жизнью. Я захлопнул дверь, подпёр её шкафом, который стоял тут, наверное, ещё с тех времён, когда это был дом, а не укрытие.

Настя опустилась на пол, прислонилась к стене. Лицо у неё было бледным, почти серым в тусклом свете, который пробивался с улицы. Я сорвал с себя куртку, бросил рядом, потом заметался по комнате, ища хоть что-то, чем можно остановить кровь. Нашёл в ванной стопку старых полотенец, какие-то тряпки, куски ткани — не стерильно, не правильно, но сейчас это было всё, что у нас было.

Я опустился перед ней на колени, разорвал ткань, прижал к ране, стараясь не смотреть ей в глаза, чтобы не видеть там боли, которую не мог забрать.

— Держи, — сказал я хрипло, прижимая ткань. — Держи крепко. Я сейчас... я сейчас всё сделаю.

Она кивнула, сжала ткань пальцами, и только по тому, как побелели костяшки, я понял, насколько ей больно.

— Прости, — вдруг сказала она, голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. — Я думала, тут чисто. Я ошиблась.

— Ты не ошиблась, — прошептал я, сам не зная, правда ли это. — Просто мир стал таким. Опасным везде. Даже там, где кажется, что безопасно.

Я перевязывал ногу, старался делать всё ровно, крепко, чтобы кровь не сочилась. Руки тряслись, но я сжимал их, заставляя быть твёрдыми. Когда я закончил, поднял глаза и увидел, что она смотрит на меня не с болью, а с каким-то странным, тихим удивлением.

— Ты... ты не бросил, — сказала она тихо, будто сама не верила.

И тут слова, которые я держал внутри, прорвались наружу, не как признание, а как крик, который долго копился в груди.

— Потому что ты мне нравишься, Настя, — сказал я, глядя ей прямо в глаза, не прячась. — Не как проводник, не как тот, кто знает эти улицы. А как человек. Как тот, кто даже сейчас, когда больно, не орёт, не обвиняет, а просто старается держаться. И я не могу тебя бросить. Не имею права.

Она на секунду закрыла глаза, будто слова обожгли, но потом снова открыла и чуть кивнула.

— Спасибо, — прошептала она. — Это... это важно. Когда знаешь, что ты не просто «полезный попутчик».

Я сжал её руку на мгновение, потом отпустил.

— Теперь мне нужно уйти, — сказал я твёрдо, хотя внутри всё кричало, что нельзя оставлять её одну. — У меня есть пистолет. Четыре патрона. Я их отвлеку. Пусть думают, что

я один. А ты... ты отползи в дальний угол. Там темно. Там тебя не увидят.

— Нет, — она попыталась встать, но тут же охнула и осела. — Не надо. Ты не справишься. Их двое, может, больше.

— У меня нет выбора, — сказал я. — Если я не сделаю это сейчас, они найдут нас. А я не хочу, чтобы они нашли тебя.

Я достал пистолет, проверил затвор, убедился, что он готов. Потом посмотрел на неё.

— Если что-то пойдёт не так... иди на север. К комплексу. Там есть люди. Они помогут.

— Не говори так, — прошептала она, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на страх. — Не говори «если что-то пойдёт не так». Просто вернись.

Я кивнул, потому что не мог обещать. Не в этом мире.

Вышел из квартиры, прикрыл дверь, стараясь не шуметь. В подъезде было темно, только узкая полоса света падала из окна на лестничную площадку. Я прошёл по коридору, вышел к подъезду, выглянул на улицу.

Они стояли там, двое, в тёмных куртках, с пистолетами в руках. Один что-то говорил, второй кивал. Потом тот, что говорил, вдруг замер и прислушался.

— Слышишь? — спросил он. — Там кто-то есть.

— Да, — отозвался второй. — Наверное, те самые гниды. Один из них ранен. Нужно идти добить.

— Я пойду, — сказал первый. — Ты и Костя прикрывайте. Если кто выскочит — валите сразу.

Первый пошёл к подъезду. Двое остались на месте, прикрывая его сзади, не сводя глаз с улицы, не замечая ничего вокруг.

Когда он вошёл в подъезд, я уже ждал. Прижался к стене, затаил дыхание. Он шёл быстро, уверенно, будто знал, что сейчас добьёт раненого. Когда он поравнялся со мной, я резко выскочил, обхватил его сзади, сжал шею, не давая крикнуть. Он дёргался, бил локтями, пытался вырваться, но я держал крепко, стискивая зубы, чувствуя, как мышцы горят от напряжения. Через несколько секунд он обмяк.

Я опустил его на пол, подождал секунду, прислушиваясь. Двое снаружи не двигались. Они ждали.

— Эй! — крикнул один из них. — Чего там? Где ты?

— Сейчас! — отозвался я, стараясь сделать голос грубее, злее. — Тут один шевелится. Сейчас добью.

— Давай быстрее! — крикнул второй. — Тут беспокойно.

Я огляделся, увидел на полу старую жестяную банку. Поднял, прицелился и швырнул её в сторону арки — туда, где эхо разносилось дальше. Банка звякнула, покатилась, звук разлетелся по двору.

Двое бандитов тут же повернулись на звук, пошли туда, прикрывая друг друга, не глядя назад.

— Где он? — крикнул один. — Что там?

— Тихо! — рявкнул второй. — Слушай.

Они подошли ближе, остановились, вглядываясь в темноту. Я вышел из тени, держа пистолет обеими руками, стара-

ясь, чтобы руки не дрожали.

— Здесь, — сказал я спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Они обернулись. Увидели меня. На секунду замерли, будто не верили, что кто-то посмел выйти к ним.

— Ну что, — сказал тот, что был ближе. — Думаешь, один выстрел тебя спасёт?

Я не ответил. Просто нажал на курок.

Первый выстрел ушёл в плечо тому, кто говорил. Он закричал, попятился, схватился за рану. Второй вскинул пистолет, но я выстрелил снова — в бедро. Он рухнул на колени, заорал от боли.

Четыре патрона. Два выстрела. Два врага обездвижены.

— Кто вы такие? — крикнул я, подходя ближе, держа их на прицеле. — Зачем вы стреляли?

Они не ответили. Только стонали, сжимали раны, смотрели на меня с ненавистью и страхом.

Я не стал ждать. Подошёл, выбил пистолеты из их рук, пнул подальше. Потом посмотрел на них.

— Сидите тихо, — сказал я. — Или следующий выстрел будет в голову.

Они замерли, поняв, что я не шучу.

Я вернулся к подъезду, заглянул в квартиру. Настя сидела в углу, как я велел, прижавшись к стене, бледная, но собранная.

— Всё, — сказал я, опуская пистолет. — Они больше не

опасны.

Она посмотрела на меня, будто пыталась понять, тот ли это человек, который несколько часов назад дрожал, направляя на неё пистолет.

— Ты справился, — прошептала она.

— Справился, — повторил я, но голос звучал устало. — Можем идти. Если ты можешь.

— Могу, — сказала Настя, упираясь рукой в стену, поднимаясь. — Не быстро. Но могу.

Я подошёл, помог ей встать, обнял за плечи, чтобы она могла опираться на меня.

— Тогда идём, — сказал я. — Нужно найти место, где можно переждать до утра. Где тихо. Где никто не найдёт.

Мы вышли из квартиры, прошли по подъезду, вышли на улицу. Ночь всё так же лежала на руинах, но теперь в ней было что-то другое — не только страх, но и чувство, что мы смогли. Что мы выжили. Что мы идём дальше.

Настя опиралась на меня, шагала медленно, но уверенно. Я держал её, чувствовал, как она дрожит от боли, но не жалуется.

— Спасибо, — вдруг сказала она тихо, когда мы свернули в переулок, где было темнее и тише. — За то, что не ушёл. За то, что вернулся.

Я только кивнул. Слова сейчас были лишними.

Мы шли к северному комплексу. Впереди была тьма, неизвестность, опасность. Но теперь мы шли не одни. Мы

шли вместе.

Глава 8 - Люби, но не вылюби

Мы шли по узкой полосе между двумя обрушившимися зданиями, когда Настя вдруг остановилась и чуть наклонила голову, прислушиваясь.

— Тишина, — прошептала она. — Не та, что пугает. А та, что значит: тут давно никого нет.

Я тоже прислушался. Ветер гудел где-то высоко, в остатках перекрытий, но внизу, у земли, было спокойно. И тогда я увидел: за поворотом, в небольшом углублении, будто специально спрятанном от чужих глаз, темнел силуэт палатки. Рядом — остывшие угли, пара смятых консервных банок, обрывок верёвки. Лагерь был брошен. Давно.

— Тут можно, — сказала Настя, и в её голосе прозвучало не просто разрешение, а облегчение. — Тут безопасно. Хоть на одну ночь.

Мы вошли в этот маленький круг тишины. Я собрал несколько сухих досок, прикрыл вход в палатку, чтобы не дуло. Настя села на спальный мешок, поморщилась от боли, но тут же постаралась скрыть это, будто стыдилась быть слабой.

— Давай я посмотрю ногу, — предложил я. — Перевязка могла ослабнуть.

Она кивнула, откинулась назад, опершись на локоть, и позволила мне размотать ткань. Рана не кровоточила, но вокруг неё кожа была горячей, напряжённой. Я промокнул

края чистой тряпкой, которую нашёл в рюкзаке, затянул повязку чуть туже, но аккуратно, стараясь не причинить лишней боли.

— Прости, — сказал я, не поднимая глаз. — Если делаю больно.

— Ты не делаешь, — тихо ответила она. — Ты стараешься. Это уже много.

Когда я закончил, мы сели рядом, прижавшись спинами к стенке палатки. Дождь ещё не начался, но воздух уже пах мокрой пылью и озоном, будто небо собиралось с силами.

Настя помолчала, глядя в темноту, куда уходила молния старого застёжки-молнии, потом вдруг повернулась ко мне. В полумраке её глаза казались почти чёрными, как и её каре, как и вся её собранная, осторожная сила.

— То, что ты сказал... там, в квартире, — произнесла она тихо, будто боялась спугнуть слова. — Что я тебе нравлюсь. Что я стала самым близким человеком. Что ты имел в виду?

Я не отвёл взгляд. Не стал прятаться за шуткой или за «ну, ты же меня спасла». Это было бы ложью.

— Я всю жизнь был одиноким, — сказал я ровно, чувствуя, как каждое слово ложится в тишину, как камень в воду. — Не потому что не хотел людей рядом. А потому что... я как будто всё время был не на своём месте. В разговорах, в компаниях, даже в собственной семье. Всегда чуть в стороне. И когда мир рухнул, это одиночество стало не просто привычкой — оно стало клеткой. Я думал, что так и умру

в ней.

Я сделал паузу, собираясь с мыслями, и посмотрел на Настю.

— А потом я встретил тебя. И ты не пыталась меня «спасти» красивыми словами. Ты просто сказала: «Тут можно посидеть». И дала мне галету. И показала путь. И даже когда я наставил на тебя пистолет... ты не стала кричать. Ты сказала своё имя. И от этого... от этого клетка треснула. Не развалилась. Но треснула. И я понял, что, может быть, я не один. Что рядом есть кто-то, кто видит меня настоящего — и всё равно остаётся.

Настя слушала, не перебивая. Её пальцы чуть сжимали край спальника, будто ей нужно было за что-то держаться, чтобы не рассыпаться от этих слов.

— Я не умею быть удобной, — вдруг сказала она, голос дрогнул, но она не опустила глаз. — Я резкая. Я скрываю эмоции. Я всё время думаю, как выжить, а не как быть хорошей. И мне страшно... что ты ждёшь от меня чего-то, чего я не смогу дать.

— Я не жду, — ответил я. — Я просто говорю, что ты стала моим самым близким человеком. Не потому что ты идеальная. А потому что ты настоящая. И потому что с тобой я не чувствую себя пустым.

Она чуть наклонила голову, будто проверяла, правда ли это. Потом медленно, осторожно, протянула руку и коснулась моей ладони — не крепко, а едва-едва, как будто про-

верая, не исчезнет ли это прикосновение.

Я накрыл её пальцы своей рукой. Мы сидели так, близко, почти касаясь лбами, и я видел в её глазах то, что раньше там не было: не только настороженность, не только усталость, а что-то тёплое, живое, хрупкое.

Мы почти поцеловались. Почти. Наши лица были так близко, что я чувствовал её дыхание, чуть горьковатое от усталости, но настоящее. Ещё секунда — и мир перестал бы быть только руинами и опасностью. Он стал бы чем-то другим.

И тут прогремел гром. Не просто раскат, а удар, от которого палатка чуть вздрогнула, а земля будто вздохнула. И следом полил дождь — тяжёлый, хлесткий, будто небо решило смыть всё лишнее, оставить только суть.

Настя вздрогнула, отпрянула не испуганно, а скорее удивлённо, будто сама не верила, что мы почти сделали этот шаг. — Вот и всё, — сказала она с лёгкой, нервной усмешкой. — Небо решило за нас.

Я улыбнулся, хотя внутри всё ещё дрожало от этой близости.

— Наверное, оно просто хотело, чтобы мы сначала выпались, — ответил я, стараясь звучать спокойно. — А то завтра опять идти.

Настя кивнула, легла на бок, подтянув колени, и закрыла глаза. Я сел рядом, прислонился к стенке, прикрыл её краем спального, который был чуть больше.

— Спи, — прошептал я. — Я посижу. Посторожу.

— Не надо сторожить, — тихо сказала она, не открывая глаз. — Просто... посиди рядом. Этого достаточно.

И я сидел. Слушал, как дождь стучит по тенту, как ветер пытается пробраться внутрь, но не может. Смотрел на её профиль, на то, как дождь рисует на ткани тонкие линии, будто кто-то невидимый выводит карту нашего пути.

А потом и сам закрыл глаза. Не для сна — для того, чтобы запомнить эту минуту. Когда среди руин, среди страха и боли, нашлось место, где можно просто быть рядом.

Глава 9 - Мороженное

Мы проснулись не от света — его тут почти не было, серый рассвет едва пробивался сквозь плотную завесу дождя, который стих только под утро. Проснулись от звука, который в этом городе стал редкостью: ровный, тяжёлый гул, будто небо само начало вибрировать.

Я резко сел, прижимаясь к стенке палатки, и тут же посмотрел на Настю. Она уже не спала. Сидела, выпрямившись, сжимая пальцами край спального, и смотрела вверх, туда, где сквозь прорехи в облаках мелькнул тёмный силуэт. Вертолёт. Он шёл низко, ровно, уверенно — не как заблудившаяся машина, а как тот, кто знает, куда летит. И направление было одно: на север.

— Это военные с комплекса, — тихо, почти шёпотом сказала Настя, будто боялась, что небо услышит и изменит курс. — Они патрулируют периметр. Если мы будем медлить, они уйдут, и следующая смена будет только через несколько часов. А нам нельзя оставаться здесь.

Я кивнул, не задавая лишних вопросов. В её голосе не было паники — только холодная собранность, как у человека, который привык принимать решения, когда на кону жизнь.

Мы выбрались из палатки. Земля была мокрой, трава лежала, прижатая дождём, воздух пах озоном и пылью. Вертолёт уже скрылся за руинами, но гул ещё висел в воздухе, как

эхо чего-то большого и неумолимого.

— Нам нужно двигаться, — сказала Настя, застёгивая рюкзак. Она поморщилась, когда оперлась на раненую ногу, но тут же взяла себя в руки. — Комплекс близко. Если идти напрямик, через заброшенные кварталы, можно добраться за пару часов. Но нужно быть осторожными: там могут быть патрули, камеры, ловушки.

Мы двинулись вдоль стены, прячась в тени, обходя открытые пространства. Город будто замер после дождя: лужи отражали серое небо, а мокрые кирпичи блестели, как осколки стекла.

По пути мы наткнулись на то, что когда-то было магазином — теперь это была просто коробка с выбитыми витринами и обрушившейся крышей. Внутри пахло сыростью и чем-то затхлым, полки были пусты, даже банки и упаковки давно унесли. Но в углу, среди обломков, стоял старый холодильник — один из тех, что пережили апокалипсис просто потому, что были слишком тяжёлыми, чтобы их утащили.

Настя подошла к нему, потянула за ручку — дверь скрипнула, но открылась. Внутри, на нижней полке, лежали несколько упаковок мороженого. Не растаявшего — холод держался, будто холодильник всё ещё помнил свою работу.

— Вот это удача, — прошептала Настя, доставая одну упаковку. — Или ирония. В мире, где не хватает воды, у нас есть мороженое.

Мы сели прямо на пол, прислонившись к стене, и ели это

мороженое, которое было странным, почти нереальным вкусом — сладким, холодным, из прошлой жизни. Оно таяло на языке, и на секунду казалось, что мы не в руинах, а где-то в обычном дне, где можно просто купить мороженое и пойти гулять.

— Расскажи про комплекс, — попросил я, когда первая сладость растаяла и осталась только лёгкая горечь от реальности. — Ты сказала, что там всё по командованию. Что это значит?

Настя посмотрела на меня, будто взвешивая, сколько можно сказать. Потом вздохнула, провела ладонью по волосам, убирая прилипшую прядь, и заговорила:

— Северный комплекс — это не просто база, — сказала она. — Это секретный объект. Его строили как убежище на случай глобальной катастрофы. Там есть автономные системы, запасы, лаборатории. И главное — там есть люди, которые знают, как управлять этим всем. Они действуют по протоколам, по приказам, по иерархии. Для них выживание — это не про удачу, это про дисциплину.

Я нахмурился.

— И как мы туда попадём? Если они такие закрытые, они нас просто не пустят.

Она чуть улыбнулась, но улыбка была не радостной, а горькой.

— Потому что я знаю, как туда попасть, — призналась она. — Раньше я была военным. Проходила подготовку,

участвовала в учениях для этого комплекса. Меня готовили как часть резервной группы. Я знаю коды, знаю маршруты, знаю, где слабые места в периметре. Но... я не была там с самого начала катастрофы. Не знаю, что сейчас внутри. Может, всё изменилось. Может, те, кто там, теперь не те, кого я знала.

Я посмотрел на неё по-новому. Не просто на ловкую, умную девушку, которая умеет выживать. А на человека, который был частью системы, которая должна была спасти мир — и которая, возможно, его и сломала.

— Почему ты ушла? — тихо спросил я. — Если ты была частью этого, почему ты здесь, в руинах, прячешься от бандитов и ищешь еду в заброшенных магазинах?

Она помолчала, будто слова были тяжёлыми, как камни.

— Потому что я увидела, что система начала спасать не людей, а себя, — сказала она наконец. — Когда всё рушилось, они закрывали ворота, не глядя, кто остался снаружи. Они говорили о приоритетах, о ресурсах, о том, кого можно спасти, а кого — нет. Я не могла с этим жить. Я ушла, чтобы попытаться спасти хоть кого-то. Хоть одного человека.

Я не стал говорить ничего пафосного. Просто кивнул, потому что понял: это не слабость. Это сила, которая выбрала не систему, а людей.

Мы доели мороженое, выбросили упаковки, собрали вещи. Дождь почти прекратился, только редкие капли падали с крыш, отбивая тихий ритм.

— Мы близко, — сказала Настя, глядя на север, туда, где горизонт сливался с небом. — Ещё час пути, если не будет препятствий. Но нам нужно быть готовыми ко всему.

И мы пошли. По улицам, где каждый шаг мог быть ловушкой, каждый угол — угрозой. Но теперь у нас была цель. И у нас была правда — та, которую Настя наконец открыла.

Северный комплекс ждал. И мы шли к нему, зная, что там нас могут не принять, могут не поверить, могут даже остановить. Но мы шли, потому что это был единственный путь, который у нас остался.

Глава 10 - Северный комплекс

Настя всё чаще спотыкалась. Сначала она пыталась скрывать это — делала вид, что просто устала, что нога просто ноет. Но я видел, как она стискивает зубы, как пальцы белеют, сжимая лямку рюкзака, как она старается не смотреть на меня, будто стыдится этой слабости. А потом она просто пошатнулась и чуть не упала. Я успел подхватить её, прижал к себе, чтобы она не ударилась о грудь битого кирпича.

— Прости, — прошептала она, уткнувшись мне в плечо.
— Я думала, дотяну.

— Не надо извиняться, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не дрожал от страха за неё. — Ты столько вела нас. Теперь моя очередь.

Я поднял её на руки. Она не сопротивлялась — просто обняла меня за шею, прижалась, и я почувствовал, как её дыхание тёплое и неровное касается моей кожи, как она доверяет мне сейчас всю свою тяжесть.

— Держись, — прошептал я. — Мы почти пришли.

И правда: впереди, за полосой выжженной земли и ржавых оград, поднимался Северный комплекс. Он выглядел не как город и не как военная база — а как нечто среднее между крепостью и чудом. Округлый, будто собранный из гигантских бетонных колец, он возвышался над руинами, словно сам город пытался его поглотить, но не смог. По перимет-

ру стояли высокие сторожевые вышки с прожекторами, которые сейчас были выключены — день ещё держался, хоть и тускло. Стены казались монолитными, без лишних окон, только узкие прорезы амбразур. Над главным входом висел массивный шлюз, похожий на люк подводной лодки, а рядом — пункты досмотра с бронированными козырьками. Всё было рассчитано на то, чтобы не пускать внутрь хаос.

Когда мы подошли ближе, из-за ограды выскочили фигуры в бронежилетах, в шлемах, с автоматами наперевес. Они окружили нас, направили стволы, и мир вдруг сжался до этих холодных дул и резких команд:

— Стоять! Кто такие? Документы, позывные, цель прибытия!

Я замер, прижимая к себе Настю, чувствуя, как она дрожит. Горло пересохло, слова путались.

— Мы... мы выжившие... шли долго... у неё рана... — начал я, голос звучал жалко, слишком тихо, слишком неуверенно.

Но тут Настя вдруг выпрямилась в моих руках, оперлась на моё плечо, подняла голову и посмотрела прямо на старшего группы. В её взгляде не было страха — только сталь, которую я уже видел раньше, когда она вела нас по руинам.

— Позывной «Блесна», — сказала она чётко, без дрожи. — Пропустите.

На секунду повисла тишина. Старший патруля чуть опустил автомат, взгляделся в её лицо, будто пытался вспомнить.

Потом коротко кивнул и махнул рукой:

— Пропустить. Но под наблюдением.

Ворота с тяжёлым гулом сдвинулись, открывая проход. Мы вошли, и мир изменился мгновенно. Внутри было не просто «безопаснее» — тут была жизнь. Люди шли по дорожкам, кто-то нёс ящики, кто-то проверял оборудование, вдалеке слышался гул генераторов. Пахло не пылью и гарью, а едой, металлом, антисептиком — запахами, которые напоминали, что цивилизация ещё жива. Тут были палатки, ангары, медпункт с яркой вывеской, контейнеры с припасами, даже небольшой огород в защищённой зоне. И главное — тут была вода. Чистая, настоящая, не набранная из ржавой трубы, а текущая по трубам, фильтрованная, охраняемая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.